

Едва Вэй Сяои закончил говорить, татуировщик замер.

— Это место очень болезненное. Ты сможешь выдержать?

— Давай. Боль, через которую он прошёл, я тоже должен испытать, чтобы всё было полноценно.

Уголки губ татуировщика дрогнули в улыбке. Он впервые встречал гомосексуалов, столь открыто демонстрирующих свои чувства.

Эскиз, который Вань Куйсюн рисовал в прошлый раз, всё ещё был у мастера.

Вэй Сяои изменил иероглиф «И» на «Сюн».

Татуировщик, заинтересовавшись тайским текстом, спросил:

— А это что значит?

— Любовь всей жизни.

Вэй Сяои перевёл фразу.

Взгляд татуировщика слегка дрогнул, и он приступил к работе.

Боль оказалась в десять раз сильнее, чем представлял себе Вэй Сяои. Он плакал, пока делали татуировку, но не от физической боли, а от душевной. Потому что он ясно помнил тот день, когда предложил Вань Куйсюну расстаться. Закончив, Вэй Сяои изо всех сил ударил себя по лицу.

Взяв сохранённый эскиз, он тут же сжёг его. Татуировщик ничего не сказал, лишь с улыбкой наблюдал за ним. Он давно не встречал такой пары.

Вань Куйсюн, узнав после третьего урока, что Вэй Сяои взял отгул, начал ему названивать. К его удивлению, телефон был включён, но никто не отвечал. Он позвонил раз десять подряд, пока у него самого не начали кипеть нервы.

К шести часам, когда Чу Цзян и Ду Цзэ приехали за ним, его настроение было отвратительным. Весь день не удавалось с ним связаться.

Неужели Вэй Фэн забрал его?

Вань Куйсюн уже начал строить невесёлые догадки.

В баре.

Настроение у Вань Куйсюна было скверным. Он заказал кучу алкоголя и велел освободить зал. Чу Цзян и Ду Цзэ поняли, что у него что-то на душе. Сегодня вечером явно не время для рассказов.

Ван Яцинь и Чжан Вэй тоже не знали, что с ним стряслось.

Вань Куйсюн пил стакан за стаканом, не говоря ни слова. Ключевым было то, что у него была отличная выносливость к алкоголю. Сколько бы он ни пил, он не пьянел, а лишь неотрывно смотрел на телефон.

Он ждал, когда Вэй Сяои позвонит.

С восьми вечера и до половины двенадцатого.

В половине двенадцатого телефон зазвонил.

Вань Куйсюн, взяв трубку, обрушился на того с градом упреков:

— Где ты, чёрт возьми? Почему не брал трубку? Почему?

Вань Куйсюн выкрикнул это, и весь его накопившийся за вечер гнев наконец выплеснулся наружу.

Как же он боялся, что Вэй Фэн просто-напросто забрал его.

Вэй Сяои испугался.

— Дорогой, прости, я был всё время занят, не слышал.

Услышав его голос, Вань Куйсюн немного успокоился.

— Где ты? Я хочу тебя видеть.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Я на перекрёстке улицы Хунхуа.

— Приходи в бар.

Сказав это, Вань Куйсюн повесил трубку и опустился на диван, закрыв лицо руками.

Теперь Вэй Сяои занимал все его мысли. Всего лишь один день, всего лишь одно его исчезновение на полдня.

Положив трубку, Вэй Сяои почувствовал беспокойство. Выйдя из тату-салона, он увидел несколько десятков пропущенных вызовов и действительно испугался. У него был включён беззвучный режим, да и привычки постоянно проверять телефон у него не было. Он только сейчас о нём вспомнил.

Бар? Его любимый тоже вышел?

Вэй Сяои помчался в бар что было сил.

Когда он прибежал, он ещё тяжело дышал.

Увидев его, Вань Куйсюн поднялся с дивана, подошёл и изо всех сил ударил его по лицу, затем вытащил из его кармана телефон и швырнул его в сторону сцены.

— Если тебе это не нужно, то и не надо. Я не буду тебя заставлять. Если для тебя он просто безделушка, то что с того, если я его разобью?

Это был первый раз, когда Вань Куйсюн так разозлился на Вэй Сяои.

Вэй Сяои был шокирован.

Не только Вэй Сяои, но и все присутствующие застыли в оцепенении.

На лице Вэй Сяои читалась полная невинность. Его ударил любимый — это было самое настоящее домашнее насилие.

Вэй Сяои повернулся, вены на руках вздулись, кулаки сжались так, что затрещали костяшки. Он изо всех сил сдерживал подступающую к горлу горечь.

Вань Куйсюн смотрел на свою руку с недоверием. Он действительно ударил Вэй Сяои, и ещё при всех.

Никто не говорил, никто не двигался.

Спустя долгое время Вэй Сяои повернулся, сдёрнул галстук, расстегнул две пуговицы и обнажил свои изящные и соблазнительные ключицы.

Одного взгляда было достаточно. Вань Куйсюн лишь поднял глаза, взглянул и замер на месте.

Свежая татуировка отчётливо предстала перед глазами всех.

Та же самая локация, тот же самый размер, тот же самый узор, лишь самое важное прозвище было изменено.

Иероглиф «Сюн» глубоко впечатался в сердце Вань Куйсюна.

Ван Яцинь прикрыла рот рукой.

Чу Цзян содрогнулся.

Ду Цзэ тоже остолбенел. Татуировку на теле Вань Куйсюна он видел утром.

Вэй Сяои прошёл мимо него, направившись к сцене. Поднял с пола телефон, вставил батарею — и тот, к удивлению, включился, совершенно невредимый.

Вэй Сяои несколько раз осмотрел телефон, не веря своим глазам. Чёрт возьми, да он же просто несокрушимый!

После такого падения он даже не треснул?

Вэй Сяои сунул телефон в карман, бросил взгляд на свою татуировку, горько усмехнулся и, пройдя мимо Вань Куйсюна, направился к выходу.

...

Проходя мимо Вань Куйсюна, тот схватил его за руку.

Тепло его руки заставило Вэй Сяои замедлить шаг, но в итоге он всё же вырвался. Сейчас он не хотел с ним разговаривать.

Вань Куйсюн, увидев, что тот действительно уходит, мгновенно обхватил его сзади за талию.

— Прости.

Одного этого слова было достаточно, чтобы сердце Вэй Сяои растаяло. Но он всё же разжал его руки и вышел, не оборачиваясь.

Едва Вэй Сяои скрылся за дверью, Вань Куйсюн тут же бросился вслед.

Не успев дойти до выхода, он снова обхватил его за талию, прижался лицом к его спине и ничего не сказал, но сила его объятий возросла. Этого человека он сегодня ночью не отпустит.

Вэй Сяои не двигался и больше не пытался освободиться.

На Вань Куйсюна накатило опьянение, у него сильно кружилась голова.

— И, прости. Я думал, что тебя забрал отец. Я боялся.

Слова Вань Куйсюна заставили Вэй Сяои тяжело вздохнуть.

Он повернулся, наклонился и поднял его на руки. У него были свои способы его наказать.

Дверь в комнату отдыха распахнулась от удара ногой Вэй Сяои, и он швырнул того на большую кровать.

Грохот захлопнувшейся двери потряс всех, кто остался снаружи.

Не прошло и нескольких минут, как раздался полный страданий крик Вань Куйсюна.

— А-а-а... Вэй Сяои, ты сволочь!

...

А-а-х... М-м-м...

Волны мучительного и блаженного томления.

Чу Цзян и Ду Цзэ, распластавшись на диване, хохотали до слёз.

Ван Яцинь покачала головой и прямо из бара поднялась на второй этаж — ей пора было спать.

Чжан Вэй, покраснев, тоже выбежал из бара. Ему нужно было в больницу к матери.

Чу Цзян и Ду Цзэ, вдоволь насмеявшись, перед уходом выключили в баре весь свет и заперли дверь. Огромный бар остался в полном распоряжении только их двоих.

Опьяневший Вань Куйсюн отбросил все мысли и страстно сплелся с Вэй Сяои, перебирая различные позы, соблазнительные и пленяющие, давая себе полностью утонуть в пучине телесных желаний.

Любовь, что не хочет разлучаться. Любовь, что готова на всё без оглядки.

Маленькая комната уже не могла вместить их двоих. От комнаты до маленьких кабинок снаружи бара, включая саму сцену — везде остались следы их страсти.

Они продолжали, пока не выбились из сил, и даже тогда не хотели разъединяться.

Вань Куйсюн, глядя на татуировку на ключице Вэй Сяои, разрыдался. Как же это больно — он знал.

Как можно не любить такого человека? Как можно не трепетать перед ним? Хотелось отдать ему всё самое лучшее в этом мире.

Вэй Сяои, лёжа на диване и прижимая Вань Куйсюна к себе, поцеловал его слёзы.

— Детка, не плачь. Не больно, совсем не больно. Я никогда не оставлю тебя. Никто не сможет забрать меня от тебя. Не волнуйся, я здесь, всегда здесь.

— М-м-м.

Вань Куйсюн полностью растворился в его нежности.

Он коснулся той щеки, по которой ударил.

— Больно?

Вэй Сяои отвёл взгляд:

— Больно. Дорогой, ты применил ко мне домашнее насилие.

— Прости, прости. Больше никогда не буду. — Сказав это, Вань Куйсюн изо всех сил ударил себя по лицу.

Вэй Сяои не успел остановить его. Увидев покрасневшую щёку, он снова поцеловал его.

— Дорогой, давай больше никогда не будем ссориться, хорошо? Мне так больно на душе. Давай будем жить хорошо, любить друг друга всю жизнь, хорошо?

— Хорошо.

Они переплели пальцы и снова слились воедино.

Волны страсти накатывали одна за другой.

Они не знали, как долго это длилось, и не считали, сколько раз.

В конце концов, стоны постепенно сменились плачем. У Вань Куйсюна даже голос охрип.

Ван Яцинь, спавшая на втором этаже, всё слышала. Что же это за страсть такая, что может довести человека до слёз? Брат И просто гений.

На следующий день, к десяти часам утра, Вань Куйсюн наконец пришёл в себя. Рядом никого не было.

<http://bllate.org/book/16172/1450189>